

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

От м. Егорова

СОВ. СЕКРЕТНО
РАСЕКРЕЧЕНО

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/ -

тов. С Т А Л И Н У.

Лт. "Искра" 1937 г.
№ 33422

МОСКВА, площадь Дзержинского, 2
Телефон: коммутатор НКВД

Краткое содержание:

Главным Управлением Государственной Безопасности НКВД вскрыта и в настоящее время ликвидируется латышская контрреволюционная троцкистская организация.

В состав организации входили члены латвийской коммунистической партии и политэмигранты из Латвии, прибывшие нелегально в СССР по каналам Коминтерна и МОПР'а.

Контрреволюционная деятельность организации направлялась латвийской политической полицией в Риге (охранка) через ее агентов внедренных охранкой в руководящий центр организации.

Одновременно руководители латышской троцкистской организации непосредственно были связаны с расстрелянным по делу троцкистско-зиновьевского центра Валентином ОЛЬБЕРГОМ, который осуществлял руководство террористической деятельностью названной организации.

Кроме того, организация в своей террористической деятельности была связана с руководителем московского террористического центра СИНАНИ-СКАЛОВЫМ и эмиссаром Троцкого террористом Фриц ДАВЫДОМ.

Отдельные участники организации, агенты латвийской охранки переброшенные под видом политэмигрантов в Совет-

ский Союз, занимались собиранием шпионских сведений по учреждениям Коминтерна.

Организация возникла еще в Латвии в 1928-1929 годах на базе групповой борьбы против руководства Латвийской секции Коминтерна. В то время основной целью организации являлась дискредитация руководства нелегальной компартии с последующим захватом в свои руки центрального аппарата и ее секции в Москве.

Эту борьбу использовала латвийская охранка, начав внедрять в троцкистскую организацию своих людей и фактически направлять дальнейшую деятельность организации. В руководящий состав троцкистской организации вошли:

1. СТРАУТИН (ЦИТРОН) Альберт, бывший секретарь ЦК Латвийской компартии, секретарь латвийской секции Коминтерна, в прошлом троцкист.

2. ЯНКУС Оскар, б.член рабоче-крестьянской фракции латвийского сейма, член Латвийской компартии, редактор партийного органа в Латвии.

3. БАЛОДИС Ян, бывший член ЦК Латвийской компартии, депутат сейма.

ЯНКУС, будучи агентом латвийской охранки, по прямому поручению последней примкнул к троцкистской организации и вошел в состав ее руководства.

В троцкистскую организацию вошел также агент охранки РОЗЕНБАХ Фриц, латвийский писатель, член Латвийской компартии.

Спустя некоторое время СТРАУТИН и БАЛОДИС были отозваны Коминтерном в Советский Союз, где последние возобновили свою троцкистскую деятельность, поддерживая нелегальную связь с ЯНКУСОМ и РОЗЕНБАХОМ.

В 1932 году латвийская охранка перебросила в Советский Союз своих агентов ЯНКУСА и РОЗЕНБАХА для внедрения их в аппарат Коминтерна в шпионских целях и активизации деятельности

латышской троцкистской организации в СССР.

Одновременно с ними в Советский Союз был переброшен и другой агент охраны СУДМАЛС Эмиль, член Латвийской компартии, бывший депутат сейма, который также примкнул к троцкистской организации.

Переброска ЯНКУСА и РОЗЕНБАХА была организована охранкой через Берлин, где они по явке участника троцкистской организации ЛАЙЦЕНА Линарда, латышского писателя, связались с ОЛЬБЕРТОМ Валентином, от которого получили директивные указания по работе троцкистской организации в СССР.

С приездом в СССР ЯНКУСА, РОЗЕНБАХА и СУДМАЛСА, троцкистская организация развернула в широких размерах контрреволюционную подпольную деятельность, вовлекла в организацию старые троцкистские кадры и создала троцкистские группы среди латышских политэмигрантов, слушателей Международной Ленинской школы и Коммунистического университета Нацменьшинств Запада, в латышском просветительном обществе "Прометей" и среди латышских писателей.

К этому времени (апрель-май 1933г.) в Москву нелегально приехал ОЛЬБЕРГ Валентин, имевший явки к РОЗЕНБАХУ, ЯНКУСУ и СУДМАЛСУ. ОЛЬБЕРГ передал директиву Троцкого, полученную им от СЕДОВА Л., о необходимости перехода латышской троцкистской организации к активным формам борьбы с руководством ВКП/б/ и Советского правительства путем террора.

В сентябре 1935 года, в свой второй приезд, ОЛЬБЕРГ встретился на квартире ЛАЙЦЕНА с РОЗЕНБАХОМ, которому дал указания об организации террористических групп.

В соответствии с этим руководители троцкистской организации СТРАУТИН, ЯНКУС и БАЛОДИС приступили к формированию террористических групп из числа своих троцкистских кадров.

Кроме этого, участник троцкистской организации ЯНКУС связался с одним из руководителей террористической организации в Москве - работником Коминтерна - СИНАНИ-СКАЛОВЫМ, которого инфор-

мировал о деятельности латышской троцкистской организации.

После ареста СИНАНИ-СКАЛОВА, ЯНКУС связался с другим руководителем террористической организации Фриц ДАВЫДОМ.

Наряду с этим, ЯНКУС, как агент латвийской охраны, в СССР использовывал участников троцкистской организации, через которых получал шпионскую информацию контр-разведывательного характера, а именно:

- 1) о важнейших решениях Загранбюро ЦК Латвийской компартии;
- 2) об организационном состоянии партии;
- 3) о некоторых отдельных лицах, руководивших работой Латвийской компартии в Латвии;
- 4) о тактических установках Коминтерна и Профинтерна;
- 5) о перебрасываемых в Латвию студентах Коммунистического Университете Нацменьшинств Запада, и другим не менее важным вопросам.

По настоящему делу арестовано 7 человек. Всего проходит 33 человека участников троцкистско-террористических групп латышской организации.

Протоколы допросов арестованных ЯНКУСА и РОЗЕНБАХА при этом прилагаются.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР-

(ПОДПИСАНО)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Я Н К У С А Оскара Францевича

от 13-14 января 1937 года.

Вопрос: В протоколе допроса от 29 декабря 1936 года Вы признали, что являлись участником латышской троцкистской организации.

Кто руководил указанной контрреволюционной организацией?

Ответ: Как я уже показал, в состав руководства латышской троцкистской организации входили: СТРАУТИН /Дитрон/, б. секретарь ЦК Латвийской Коммунистической партии и секретарь Латсекции Коминтерна, я — ЯНКУС и БАЛОДИС, б. член ЦК Латвийской компартии и член Исполкома Профинтерна.

Руководство выше осуществлялось по двум направлениям:

1. Латышская троцкистская организация была связана с Латвийской охранкой через своих отдельных участников организации и ее руководителей.

2. Руководство латышской троцкистской организации было связано с представителем троцкистского заграничного

центра ОЛЬБЕРГОМ Валентином, от которого получало директивы по организационным вопросам и тактические установки в связи с переходом всей троцкистской организации и активным формам борьбы - террору.

Кроме того, латышская троцкистская организация, через своих руководителей и ее отдельных участников была связана с другими параллельными троцкистскими организациями в Москве, в частности, с руководителями террористическо-троцкистской группы в Коминтерновских учреждениях СИННИИ и ДАВИДОМ Фри-цем.

Вопрос: Через кого именно латышская троцкистская организация поддерживала связь с Латвийской охранкой?

Ответ: Из числа участников троцкистской организации с латвийской охранкой был связан я - ЯНКУС, СУДМАЛС, депутат Рабоче-крестьянской фракции сейма и РОЗЕНБАХ /Фросс/, латышский писатель. Кроме того, с главой латвийского правительства УЛЬМАНИСОМ, лично конфиденциально, был связан участник троцкистской организации ЛАЙПЕН - председатель рабоче-крестьянской фракции сейма, писатель.

Все эти лица в настоящее время проживают в Москве.

Вопрос: Таким образом, Вашими показаниями устанавливается, что Вы, СУДМАЛС и РОЗЕНБАХ являлись агентами Латвийской охранки?

Подтверждаете Вы это?

Ответ: Да, полностью подтверждаю.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах Вы были завербованы в латвийскую охранку?

Ответ: Примерно, в октябре 1928 года накануне выборов в сейм, я был арестован Либавской охранкой.

На допросе мне угрожали, что я буду осужден и, таким образом, не буду выбран в сейм. Кроме того, угрожали арестом моей матери. Допрос длился сутки. В конце суток начальник Либавского отделения охраны КАЛНЫНЬШ предложил мне начать сотрудничество с охранкой, обещал за это освобождение, обеспечение участия в выборах и неприкосновенность матери. Мне ставилось тогда условием, что после выборов меня в сейм, я должен буду действовать по указаниям охраны.

Я дал свое согласие.

Вопрос: Как была оформлена Ваша вербовка в охранку?

Ответ: Я заполнил письменное обязательство, условившись с КАЛНЫНЬШЕМ, что все свои донесения буду подписывать псевдонимом "ИКС".

Вопрос: Какие задания Вы получили от начальника Либавского отделения охраны?

Ответ: Вскоре после выбора меня в сейм, я встретился с КАЛНЫНЬШЕМ на конспиративной квартире /Либава, ул. Кунгуэль/, где получил задания осветить легальный партийный центр, членом которого я являлся.

При следующей встрече с КАЛНЫНЬШЕМ, в связи с моим отъездом в Ригу, он дал мне явку к начальнику агентурного отдела рижской охраны ШТИГЛИЦУ.

Вопрос: Что Вами было выполнено по заданиям охраны в Либаве?

Ответ: Я дал КАЛНЫНЬШУ информацию о составе партийной

организации в Либаве и о составе легального центра.

Вскоре я выехал, как депутат сейма в Ригу, где должен был связаться по данной мне явке с рижской охранкой.

Вопрос: В каких формах протекала Ваша дальнейшая связь с рижской охранкой?

Ответ: По приезде в Ригу в конце 1928 года, я связался с начальником агентуры рижской охраны ШТИГЛИЦЕМ по заранее условленному адресу Бривибас /ул.Свободы/ и получил от него задание, сводящееся к ослаблению массового революционного движения, принявшего тогда широкие размеры. Кроме того, я должен был информировать ШТИГЛИЦА о директивах ЦК Латкомпартии.

Вопрос: Это не все. Этим не ограничивались поручения выполняемые Вами по заданиям рижской охраны?

Ответ: Охранка использовала меня, главным образом, как члена рабоче-крестьянской фракции сейма и как руководителя легального партийного органа. Общая линия, преподанная мне охранкой /линия дальнего прицела/ сводилась:

1. К ослаблению и дезорганизации массового рабочего движения в Латвии;

2. работе самой фракции и направлении всей деятельности ее придать оппортунистический характер, проводя политику пассивности и выхолащивания коммунистической сущности.

На этом фоне я должен был выполнять отдельные конкретные задания охраны.

Вопрос: В чем заключались эти конкретные задания охраны?

Ответ: В этой связи разрешите мне сразу осветить, что

я сделал по заданиям охраны, из чего будет ясным, как использовывала меня охранка.

Имея общую установку охраны на дезорганизацию массового революционного движения, я по конкретным заданиям охраны сделал следующее:

1. Я систематически, при помощи ЛАЙЦЕНА срывал организуемые компартией Латвии массовые демонстрации, причем в результате этой моей деятельности на места демонстрации являлся только партийный актив, который вылавливался полицией и арестовывался. В результате этого, значительная часть рижского партийного актива стала известна охране.

2. Систематически представлял охране информации о директивах ЦК Латкомпартии и Латвийской секции ИККИ, которые поступали в рабоче-крестьянскую фракцию.

3. Я давал сведения охране об известных мне подпольных работниках партии, проживающих в Латвии на нелегальном положении, в частности, я тогда сообщил о секретаре ЦК СКАЙДЕ и членах ЦК Латкомпартии ЦИТРОНЕ /СТРАУТИНЕ/, МАРТИНСЕ и АРТИСЕ. Охране я сообщал их явки и все известные мне факты их нелегальной деятельности.

4. По заданию охраны я занимался контрреволюционной деятельностью, направленной на идеологическое разложение революционного движения, соответственно редактируя партийный орган и путем выступлений в сейме. Эту часть работы я проводил в контакте с ЛАЙЦЕНОМ.

5. Я сознательно выхолащивал революционное содержание из статей членов ЦК, печатавшихся в газете рабоче-крестьянской

фракции.

6. По договоренности с охранкой я в контрреволюционном духе переработал декларацию фракции сейма, несмотря на то, что проекты ее нами были получены как из Латсекции ЦККИ из Москвы, так и от секретаря ЦК ЛКП.

7. Сообщив охранке о возникшей внутри Латвийской компартии троцкистской группе СТРАУТИНА-ЦИТРОНА, выступавшей против ЦК с троцкистским лозунгом создания "новой партии", я по указанию охранки поддержал ЦИТРОНА /СТРАУТИНА/ и вошел в состав этой троцкистской группы.

Вопрос: Какие еще поручения Вы выполняли по заданиям охранки?

Ответ: Я изложил в основном наиболее существенные поручения охранки, которые я выполнял. Разумеется, что сотрудничая с охранкой, я выполнял "по пути" еще ряд ее поручений. Об этом я постараюсь припомнить и изложить в следующих допросах.

Вопрос: На каких условиях Вы работали с охранкой?

Ответ: Вскоре после моего избрания в сейм, охранка инсценировала против меня судебный процесс, обвиняя меня в "государственном предательстве", по которому я должен был отбывать 4 года тюремного заключения в крепости и 3 года каторги. Так как, в качестве депутата сейма, я не мог быть арестованным, охранка держала меня под угрозой выдачи сеймом для отбывания наказания. Этим охранка гарантировала себе мое сотрудничество.

В то же время охранка выплачивала мне в разные сроки

единовременные вознаграждения за мою агентурную работу. В общей сложности за время пребывания в Риге и Берлине я получил от охраны 10.000 лат или, примерно, около 2.000 американских долларов.

Кроме того, по моей просьбе охранка помогала мне в устройстве кое каких моих личных дел.

Вопрос: С кем еще, помимо ШТИГЛИЦА, Вы были связаны из руководителей рижской охраны?

Ответ: Примерно, в 1929 году на одной из встреч на конспиративной квартире ШТИГЛИЦ меня познакомил с начальником рижской охраны ФРИДРИХСОНОМ, с которым я позже изредка встречался.

Вопрос: Откуда Вам известно, что РОЗЕНБАХ и СУДМАЛС являются агентами Латвийской охраны?

Ответ: В конце 1931 года, в связи с моей поездкой в СССР, по заданию Латвийской охраны, ШТИГЛИЦ и ФРИДРИХСОН сообщили мне, что в СССР я должен буду поддерживать связь с агентами охраны РОЗЕНБАХ и СУДМАЛС.

Впоследствии, я с каждым в отдельности связался и оба они подтвердили мне свое сотрудничество с охранкой.

Вопрос: Когда именно и при каких обстоятельствах РОЗЕНБАХ и СУДМАЛС Вам подтвердили факт своего сотрудничества в охране?

Ответ: С РОЗЕНБАХ по этому вопросу я говорил в Берлине, после моего приезда из Риги в конце мая 1932 года, к которому я прибыл с явкой от ФРИДРИХСОНА. С СУДМАЛСОМ я также говорил о его сотрудничестве в охране в Берлине в сентябре 1932 г.

у меня на квартире. Тогда при этой встрече СУДМАЛС мне передал директиву ФРИДРИХСОНА об ускорении моего въезда в СССР.

Вопрос: Какие задания Вы получили от охраны в связи с переброской в СССР?

Ответ: Летом 1931 года, вскоре после провала КРАСТЫНЯ, ФРИДРИХСОН и ШТИГЛИЦ начали настаивать на моей переброске в СССР с поручением постараться занять в Москве руководящее положение в Латвийской секции ИККИ и направлять там деятельность Латышской троцкистской организации.

С этой целью я, по указанию охраны, поставил перед ЦК Латкомпартии вопрос о необходимости мне в срочном порядке эмигрировать в СССР, используя перед ЦК в качестве мотивировки угрозу выдачи меня сеймом властям для отбывания наказания.

Нужно сказать, что к этому времени председатель комиссии сейма по делам депутатов БЕРЗИНС /ныне министр внутренних дел Латвии/ в то время тесно связанный с охранкой, инспирировал ускорение передачи моего дела о выдаче меня властям на обсуждение сейма.

Таким образом, я добился у ЦК разрешения на эмиграцию в СССР.

Переброска в Союз была намечена через Германию. "Легализацию" переброски я доверил СУДМАЛСУ, который к тому времени мне был известен уже как агент охраны.

При его посредстве я получил заграничный паспорт на имя Бронислава УТАНА, который по условленной заранее явке был доставлен в Мемель женою агента охраны ЗАРСА, проживающего сейчас в Латвии.

Вопрос: Кто такой ЗАРС?

Ответ: ЗАРС в то время являлся членом ЛКП, сотрудничал в охранке и, будучи близко связанным с ЛАЙЦЕНОМ, продолжает и сейчас быть его представителем по вопросу издания в Латвии его литературных трудов. ЗАРС приезжал в 1933 году в качестве туриста в СССР.

Вопрос: Откуда Вам известно, что паспорт на имя Бронислава УТАНА, по которому Вы прибыли в СССР, СУДМАЛС добыл через рижскую охранку?

Ответ: Перед моим отъездом в Мемель ФРИДРИХСОН и ПТИГЛИЦ предупредили меня, что все вопросы связанные с получением паспорта на поездку в СССР будут поручены СУДМАЛСУ.

Вопрос: Где находится этот паспорт в настоящее время?

Ответ: Паспорт на имя УТАНА Бронислава, по приезде в Союз, я сдал в ЦК МОПР"а и вскоре получил взамен паспорт как гр-н СССР на имя ЯНКУС.

Вопрос: Чем об"яснить, что Ваша переброска в СССР намечалась через Берлин?

Ответ: По плану охраны в Берлине я имел явку к РОЗЕНБАХУ, который работал кодистом в Торгпредстве СССР в Германии и был мне известен, как агент охраны. С РОЗЕНБАХОМ я должен был договориться и передать директиву охраны о поездке в СССР для активизации там деятельности троцкистской организации.

В соответствии с этим, РОЗЕНБАХ, спустя некоторое время, выехал в СССР. РОЗЕНБАХУ я дал явку к БАЛОДИСУ, через которого он впоследствии связался со СТРАУТИНЫМ - ЦИТРОНОМ.

Я же прожил в Германии еще 4 месяца и в октябре 1932 г. выехал в СССР.

*наг
посылать?*

Вопрос: Как осуществлялась связь с охранкой в период Вашего проживания в Берлине?

Ответ: Проживая в Берлине, я поддерживал связь с Рижской охранкой, путем шифрованной переписки по условленному адресу /Рига, АГЕНСКАЛИ, номер дома не помню/.

За это время я отправил несколько агентурных донесений о поездке РОЗЕНБАХА в СССР, о встрече в Гамбурге с БАЛОДИСОМ, о встрече с ОЛЬБЕРГОМ Валентином и о сроках своего въезда в СССР. В одном из ответов охранка настаивала на скорейшем моем въезде в СССР. За это же время я получил от охранки несколько денежных переводов в иностранной валюте /в долларах и французских франках/.

*на кой
базе?*

Вопрос: Выше Вы показали, что, проживая в Берлине, встречались с ОЛЬБЕРГОМ Валентином.

На какой базе у Вас происходили эти встречи?

Ответ: С ОЛЬБЕРГОМ В. я связался впервые в Риге в 1928-29 г.г. через ЛАЙЦЕНА, когда мы помещали троцкистские статьи ОЛЬБЕРГА в газете рабоче-крестьянской фракции сейма.

В начале 1930 года РОЗЕНБАХ, уезжая в Берлин, получил от ЛАЙЦЕНА явку к Валентину ОЛЬБЕРГУ.

По моем приезде в Берлин, из информации РОЗЕНБАХА я узнал, что ОЛЬБЕРГ В. исключен из КПП за троцкизм и продолжает быть связанным с троцкистскими организациями в Латвии и Германии.

В этот период времени В.ОЛЬБЕРГ занимался обработкой меня и РОЗЕНБАХА в троцкистском духе, активизируя наши настроения, доказывая необходимость активной борьбы с руководством ВКП/б/и советского правительства.

В июне или в июле 1932 года в Берлине на квартире РОЗЕНБАХА /Темпельгоф, Баденер Ринг/ я встретился с В.ОЛЬБЕРГОМ. В квартире были также РОЗЕНБАХ и Суламифь ОЛЬБЕРГ. Из бесед с ОЛЬБЕРГ я понял, что он осведомлен о делах латышской троцкистской организации. В. ОЛЬБЕРГ рассказал мне, что он связан с заграничным троцкистским центром и в ближайшее время должен выехать для выполнения серьезных поручений в СССР. Здесь же ОЛЬБЕРГ В. указал, что он едет в СССР для нелегальной работы в существующих уже там троцкистских центрах.

"В этих целях - заявил ОЛЬБЕРГ, Вы должны мне помочь в устройстве в Москве или в другом городе на работу, путем рекомендации меня, как журналиста, политэмигранта и дать мне ряд явок к Вашим друзьям, работающим в коминтерновских учреждениях".

Я рекомендовал ОЛЬБЕРГУ использовать в этом вопросе ЛАЙЦЕНА, который располагал в Советском Союзе обширными связями.

Вопрос: Получил ли тогда ОЛЬБЕРГ В. от Вас явки в СССР?

Ответ: Я лично ОЛЬБЕРГУ В. явок не давал. РОЗЕНБАХ тогда условился, что по приезде в СССР ОЛЬБЕРГ В. посетит его.

Однако, позже, проживая в Москве, я узнал, что ОЛЬБЕРГ В. имел явку к участнику троцкистской организации СУДМАЛСУ /Моск-

ва, гостиница "Маяк" /.

В свой второй приезд в СССР /сентябрь 1936 года/ ОЛЬБЕРГ В. имел явку к ЛАЙЦЕНУ.

Вопрос: Откуда это Вам стало известно?

Ответ: Весной 1933 года вскоре после своего приезда в СССР СУДМАЛС мне рассказывал, что его в ближайшее время должен посетить приезжающий в СССР ОЛЬБЕРГ Валентин. Относительно явки ОЛЬБЕРГА В. к ЛАЙЦЕНУ в 1935 г. мне говорил РОЗЕНБАХ и Суламифь ОЛЬБЕРГ.

Вопрос: Вы показали, что планом Вашей переброски в СССР охранка имела ввиду активизировать работу латышской троцкистской организации.

Непонятно, почему Вы, в этой связи, не оказали практической помощи ОЛЬБЕРГУ В., ехавшему в СССР по поручению троцкистского заграничного центра?

Ответ: Я должен заявить, что руководители рижской охраны ФРИДРИХСОН и ШТИГЛИЦ, направляя меня в СССР, неоднократно подчеркивали, что я прежде всего являюсь агентом охраны и моя задача состоит в том, чтобы по приезде в СССР устроиться на работу и наладить собирание шпионской информации по коминтерновским учреждениям. Одновременно с этим, я должен буду принять участие в руководстве латышской троцкистской организации, при этом недопуская ненужного риска. Я также имел ввиду необходимость зарекомендовать себя, по приезде в Союз, как человека неskomпрометированного троцкистскими связями.

Исходя из этого, я считал полезным воздержаться от прямой связи с ОЛЬБЕРГ и поддерживать с ним в Союзе контакт через третьих лиц.

Вопрос: Как протекала Ваша дальнейшая связь с ОЛЬБЕРГОМ В.?

Ответ: Как я уже показал, в СССР я приехал в октябре 1932 года и устроился на работу в Профинтерн в качестве референта. Устроился я при помощи участника троцкистской организации БАЛОДИСА, которому я сообщил, что прибыл в Союз для руководства латышской троцкистской организацией.

В апреле или мае 1933 года я встретился с В.ОЛЬБЕРГОМ у меня в гостинице "Маяк". Он вновь просил моего содействия, чтобы устроиться на работу в Москве. Я указал ОЛЬБЕРГУ, что сам с большим трудом попал на работу в Профинтерн и в связи с тем, что Коминтерн осудил так называемую "цитроновскую оппозицию", сам подвергаясь опасности снятия с работы и возможной высылки.

В этом разговоре ОЛЬБЕРГ В. доказывал на примере разгрома нашей группы несостоятельность прежних методов борьбы и необходимость перехода к террору. Развивая эту мысль, ОЛЬБЕРГ говорил, что к такой установке пришел троцкистский заграничный центр.

Несколько дней спустя я встретился с РОЗЕНБАХОМ, который мне передал, что ОЛЬБЕРГ В. его информировал о полученных директивах по террору против руководителей ВКП/б/ и советского правительства. РОЗЕНБАХ рассказал, что эти директивы получены ОЛЬБЕРГОМ от СЕДОВА Л. и исходят от ТРОЦКОГО. Мне также известно, что в этот период В.ОЛЬБЕРГ встречался также самостоятель-

но с участником троцкистской организации СУДМАЛСОН, но содержание их разговоров мне неизвестно.

Вопрос: Как практически Вы реализовали полученные директивы по террору от ОЛЬБЕРГА В.?

Ответ: Об этих разговорах и директиве ОЛЬБЕРГА В. о переходе организации к активным формам борьбы – террору, я информировал БАЛОДИСА и СТРАУТИНА-ЦИТРОНА, но в это время наша руководящая "тройка" /я, БАЛОДИС и СТРАУТИН-ЦИТРОН/ не восприняла еще этой директивы /как руководство к действию, так как была озабочена тем, чтобы провести более или менее организованное отступление с легальных позиций.

Вопрос: Это неверно. Нам известно, что после формального разгрома, так называемой "цитроновской оппозиции" латышская троцкистская организация, одним из руководителей которой Вы являлись, не только не ослабила своей организационной работы, а практически подготавливала план совершения террористического акта против руководителей ВКП/б/ и советской власти.

Признаете ли Вы это?

Ответ: Да, я вынужден признать, что это так. Вопрос этот, однако, требует некоторой ясности.

В первый свой приезд ОЛЬБЕРГ, информируя меня о переходе троцкистской организации к методам террора, не ставил перед мною практических задач в этом направлении.

Только во время своего второго приезда /осень 1935 г./ В. ОЛЬБЕРГ на совещании с РОЗЕНБАХОМ и ЛАЙЦЕНОМ, на квартире последнего с большой настойчивостью ставил вопрос о терроре и об организации террористических групп среди латышей троц-

кистов, в частности, среди латышских писателей.

Вопрос: О каком совещании идет речь?

Ответ: После второго приезда ОЛЬБЕРГА В. в Союз в сентябре 1935 года он созвал на квартире ЛАЙЦЕНА организационное совещание, на котором присутствовали РОЗЕНБАХ и ЛАЙЦЕН. На этом совещании ОЛЬБЕРГ интересовался делами латышской троцкистской организации и сообщил о директиве Л. СЕДОВА о необходимости перехода всех троцкистских организаций к методам террора в борьбе с руководством ВКП/б/.

Об этом совещании мне говорил РОЗЕНБАХ через несколько дней, при встрече со мною.

Вопрос: Возвращаемся к предыдущему вопросу. Как практически реализовала Ваша троцкистская организация директиву В. ОЛЬБЕРГА по террору?

Ответ: В соответствии с директивами ОЛЬБЕРГА В. по террору, руководство латышской троцкистской организации наметило организацию террористических групп из состава наших старых кадров-участников троцкистской организации или лиц, сочувствующих троцкизму.

Так, в террористическую группу намечались братья БУЛЛЕ - политэмигранты, исключенные из партии за троцкизм студенты КУНМЗ "а ДЗЕЛМЕ, студент КУНМЗ "а политэмигрант, исключен из ВКП/б/ за троцкизм, ЛАНДСОВСКИЙ брат ДЗЕЛМЕ, студент Международной Ленинской школы, ЛАПИН брат БАЛОДИСА, служил в милиции на руководящей работе и троцкистски настроенный, ИНКА или ИНГА, б. представитель Латвийского комсомола и других некото-

рых студентов МЛШ, фамилии которых я сейчас не помню.

Перечисленных выше лиц я, БАЛОДИС и СТРАУТИН при встречах обрабатывали в террористическом духе.

Вопрос: Кого Вы лично обрабатывали и вовлекали в террористическую группу?

Ответ: Я лично обрабатывал в террористическом духе БУЛЛЕ Арвида, ЛАПИНА и ЛАНДОВСКОГО. Должен здесь, однако, указать, что конкретных задач по террору я перед ними не ставил и ограничивался только пропагандой идеи террора против руководства ВКП/б/. В результате этих бесед я убедился, что в случае надобности эти лица могут быть использованы для подготовки и совершения террористического акта.

Мне также известно, со слов БАЛОДИСА, что некоторых из вышеперечисленных лиц обрабатывал он лично. С кем точно разговаривал БАЛОДИС я сейчас не помню.

Вопрос: Какие еще террористические группы создавала Ваша организация?

Ответ: Со слов ОЛЬБЕРГА /разговор с ним осенью 1935г./ мне было известно, что созданием террористической группы занимается СУДМАЛС по прямому и непосредственному поручению В.ОЛЬБЕРГА. В террористическую группу СУДМАЛСА, по словам ОЛЬБЕРГА В.и СУДМАЛСА, намечались: КИПЕР, политэмигрант, приехал из Германии; ОВЕРЕ-КАУШЕН, политэмигрант; ДЕМЕНС, латвийский писатель, поддерживавший также организационную связь

с ОЛЬБЕРГ Суламифь.

Кроме того, тогда же формировалась террористическая группа ЛАЙШЕНА и РОЗЕНБАХА, в которую, по словам РОЗЕНБАХА, намечались троцкисты ПЕЛЕКАЙС, ПРЕДНЕК, писатели проживающие в Москве; КИКУТС и ЭЙДУК, писатели проживающие в Ленинграде. Все эти лица также обрабатывались в террористическом духе.

СУДМАЛС имел также еще связи среди русских троцкистов, которые мне неизвестны. Мне известно лишь, что СТРАУТИН-ДИТРОН поддерживал организационные связи вне латышской троцкистской организации. Насколько я припоминаю, он называл секретаря парторганизации музея фарфоровых изделий, где СТРАУТИН-ДИТРОН работал и брата своего АВЕНА.

Помимо этих мероприятий наша руководящая "тройка" предложила БАЛОДИСУ, после его ухода с работы в Профинтерне и Латсекции и перехода на работу в латышский клуб, использовать это обстоятельство для установления новых связей среди политэмигрантов.

Вопрос: Из Ваших показаний видно, что по директивам ОЛЬБЕРГА В. латышская троцкистская организация формировала несколько террористических групп.

Дайте показания о практической деятельности этих групп?

Ответ: Все перечисленные мною лица намечавшиеся и обрабатывавшиеся в террористическом направлении являлись участниками латышской троцкистской организации. Как я уже показал, часть этих лиц разделяла террористические установки организации, но к моменту моего ареста никаких конкретных

поручений по террору не получала.

Практическая деятельность остальных создаваемых террористических групп мне неизвестна.

Вопрос: К этому вопросу следствие еще вернется.

С кем еще непосредственно В.ОЛЬБЕРГ поддерживал организационную связь?

Ответ: Мне известно, что в декабре 1935 года В.ОЛЬБЕРГ установил непосредственную организационную связь со СТРАУТИ. НЫМ и БАЛОДИСОМ. В этом ему ОЛЬБЕРГУ помогала его бывшая жена ОЛЬБЕРГ Суламифь.

Вопрос: Как протекала Ваша шпионская деятельность по заданию латвийской охраны?

Ответ: Главным объектом моей шпионской работы по заданиям охраны, являлась латвийская секция ИККИ, ее деятельность и кадры.

Основным источником информации в этой области служил член загранбюро ЦК Латкомпартии БАЛОДИС.

Кроме этого, в своей практической работе по троцкистской организации, а также по основной своей службе в Профинтерне и институте Мирового Хозяйства и политики, я черпал большую информацию по интересующим охранку вопросам международного значения.

Используя эти источники, я передал в охранку информа-
цию по следующим вопросам:

I. О важнейших решениях Загранбюро ЦК Латвийской Компартии.

2. О тактических установках ЦК.
3. Об организационном состоянии партии.
4. О некоторых отдельных лицах, руководящих работой ЛКП в Латвии.
5. Об отношениях Латсекции с Коминтерном.
6. О разногласиях между ЦК ЛКП в Латвии и Загранбюро в Москве.
7. Информацию о перебрасываемых в Латвию студентах КУНМЗ"а.
8. Информацию об общих установках Коминтерна и Профинтерна, о едином фронте и т.п.
9. Я осведомлял также охранку о работе нашей троцкистской организации, об общих политических установках троцкистов на активную террористическую борьбу и проч.

Более подробные показания по этому вопросу я дам дополнительно.

Вопрос: Каким способом Вы сносились с охранкой?

Ответ: Всю информацию я передавал РОЗЕНБАХУ, на которого была возложена связь. Мне известно, что по ранее разработанному плану РОЗЕНБАХ, проживая в СССР не выходил из латвийского подданства и сохраняя свой национальный паспорт, что давало ему возможность беспрепятственно посещать Латвийскую миссию.

Какую точно форму связи с охранкой установил РОЗЕНБАХ, частенько заходящая в Латвийскую миссию по "паспортным делам", я не знаю.

Мне известно также, что его б. жена Суламиць ОЛЬБЕРГ также сохраняла латвийское подданство и по таким же "паспортным делам" посещала миссию в Москве.

Сведения я печатал на машинке по условленному шифру и в конверте передавал РОЗЕНБАХУ. Через него же я получал зашифрованные письма с директивами от охранки.

Вопрос: Каким шифром Вы пользовались?

Ответ: Это был цифровой шифр, составившийся по латышской книге "История искусств" — автора не помню, она у меня хранится дома.

Такая же книга для связи со мной имеется и в Латвийской охранке.

По системе шифровки цифрами /дробями/, я при надобности могу дать специальные объяснения.

Вопрос: Как оплачивалась Ваша работа охранкой в период Вашего пребывания в СССР?

Ответ: Материальный вопрос был урегулирован таким образом, что от переводов денег в СССР я отказался, боясь себя скомпрометировать более широким образом жизни.

Было условлено с охранкой, что часть причитающихся сумм будет передана моей тетке Катерине ПРЕЙМАН, проживающей в Либаве, под видом возвращения ей для меня долга. Остальная часть моего вознаграждения должна была быть передана охранкой лично мне, в случае моего въезда из Союза за границу.

Вопрос: Кто в СССР, кроме СУДМАЛСА и РОЗЕНБАХА, знал о Вашей связи с охранкой?

Ответ: Из лиц, находящихся в Москве о моей связи с охранкой, как я уже показывал выше, было известно РОЗЕНБАХУ и СУДМАЛСУ.

Перед участниками нашей руководящей "тройки" латышской троцкистской организации - БАЛОДИСОМ и СТРАУТИНОМ-ПИТРОНОМ я ставил вопрос таким образом, что имею через третье лицо связь с охранкой и могу использовать охранку для целей борьбы нашей троцкистской организации с Латвийской Коммунистической партией. БАЛОДИС и СТРАУТИН поэтому смотрели на меня, как на своего рода "контрразведку" нашей троцкистской организации, вполне оправдывая метод использования охранки для целей нашей к-р борьбы.

Вопрос: Выше Вы показали, что латышская троцкистская организация была связана с руководителями троцкистско-террористических групп СИНАНИ и Фриц ДАВИДОМ.

Как возникла организационная связь с указанными лицами и кто персонально ее поддерживал?

Ответ: Как с СИНАНИ так и с Фриц ДАВИДОМ организационную связь поддерживал я лично. Впервые с СИНАНИ я встретился у него на квартире 31 декабря 1933 года, куда я был приглашен для встречи нового года. Оставшись наедине с СИНАНИ он мне рассказал, что ему известно о моих троцкистских настроениях и о троцкистской деятельности ряда лиц, с которыми я связан /СТРАУТИН, ЛАЙЦЕН и др./. Об этом, как я позже узнал, ему стало известно из материалов партпроверки в Коминтерне и Профинтерне. На этот раз беседа сводилась только к прощупыванию моих

настроений. Убедившись, что я полностью разделяю его взгляды, СИНАНИ условился со мной о следующей встрече.

Последующие встречи в течение весны 1934 года были в Институте Мирового хозяйства и мировой политики. Я тогда рассказал СИНАНИ, что являюсь одним из руководителей троцкистской организации среди латышей, рассказал ему о составе участников организации и характере ее организационной деятельности. В этот раз СИНАНИ в свою очередь сообщил мне, что он является членом Московского троцкистского центра и считает необходимым установить через меня организационную связь с нашей организацией. Тогда же СИНАНИ поставил передо мной ряд практических задач сводящихся к необходимости перехода нашей организации к активным формам борьбы с руководством ВКП/б/ путем террора.

После этого я встречался с СИНАНИ еще несколько раз и информировал его о делах нашей организации. Весной 1935 года СИНАНИ был арестован и связь с ним, естественно, прекратилась.

Вопрос: Каким образом Вы установили организационную связь с Фриц ДАВИДОМ?

Ответ: После ареста СИНАНИ я в течение продолжительного времени ни с кем из троцкистов вне латышской организации не связывался. В мае 1936 года на заседании в Институте Мирового хозяйства я встретился с Фриц ДАВИДОМ. После заседания, когда мы вышли на улицу, ко мне подошел Ф. ДАВИД и отведя меня в сторону рассказал, что он имеет необходимость восстановить через меня связь между коминтерновской троцкистской организацией и латышскими троцкистами. При этом Ф. ДАВИД сообщил мне, что дела

нашей организации ему хорошо известны по 1935 году. Тогда же Ф.ДАВИД условился со мной о ближайшей встрече. Однако, встреча эта не состоялась, так как он вскоре был арестован.

Вопрос: До этого Вы встречались с Фриц ДАВИДОМ?

Ответ: Да, встречался. Ф.ДАВИД знал меня как научного сотрудника Института Мирового хозяйства.

Вопрос: Непонятно, каким образом Ф.ДАВИД нашел возможным в первую же встречу сообщить Вам о своей контрреволюционной деятельности?

Ответ: В одной из бесед с ОЛЬБЕРГОМ В. осенью 1935 г., когда я сообщил ему, что арестован СИНАНИ, с которым я поддерживал организационную связь, ОЛЬБЕРГ В. говорил мне, что через некоторое время со мной свяжется другой представитель троцкистской организации — работник Коминтерна.

Когда Ф.ДАВИД при встрече со мной сообщил мне ряд фактов о составе участников нашей организации, мне стало ясным, что Ф.ДАВИД является именно тем лицом, о котором говорил ОЛЬБЕРГ В., хотя он и не называл мне тогда его фамилии.

Показания записаны с моих слов правильно, мною прочитаны:

ЯНКУС.

ДОПРОСИЛИ: НАЧ. 7 отд. 3 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД —
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ — ТКАЧЕВ.

ЗАМ НАЧ 7 ОТД 3 ОТДЕЛА ГУГБ —
ЛЕЙТЕНАНТ ГОС БЕЗОПАСНОСТИ — РАДИН.

Верно: *В. Янкус*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

РОЗЕНБАХА Фрица Карловича

от 23-го декабря 1936 года.

РОЗЕНБАХ Фриц Карлович родился в гор. Либаве в 1904 году, проживает в Москве по Оболенскому пер., д. № 9/а, кв. 56, латыш, латвийско-подданный, литератор, с незаконченным высшим образованием, в 1928 г. состоял в К.П. Латвии, дважды сидел в латвийской тюрьме по "закону Керенского".

ВОПРОС: Имеющимися в нашем распоряжении материалами Вы изображаетесь в к-р троцкистской деятельности. Признаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Да, я полностью признаю свое участие в контрреволюционной троцкистской работе, которая протекала с 1929 года, т.е. с момента моего вступления в латвийскую троцкистскую организацию Цуккурса-Лайценса-Янкуса по день моего ареста.

ВОПРОС: Когда Вы прибыли в СССР?

ОТВЕТ: В Советский Союз я приехал в апреле 1932 г. из гор. Берлина.

ВОПРОС: Когда Вы были вовлечены в троцкистскую организацию?

ОТВЕТ: В троцкистскую организацию я был вовлечен в гор. Риге в 1929 г. ЛАЙЦЕНС Линардом и ЯНКУС Оскаром, ныне проживающими в гор. Москве.

ВОПРОС: При каких обстоятельствах Вы были вовлечены в троцкистскую организацию?

ОТВЕТ: После моего приема в ряды латвийской коммунистической партии (сентябрь-ноябрь 1928 года) и после избрания ЛАЙЦЕНС Л. в латвийский сейм я был привлечен им к более активному сотрудничеству в левых изданиях. В силу сложившихся у меня отношений с ЛАЙЦЕНС и ЯНКУС, также избранным в сейм, я подвергался постепенной троцкистской обработке с их стороны. Впоследствии, тем самым образом, по поручению ЛАЙЦЕНС и ЯНКУС я выполнял троцкистские задания, направленные на разложение и дискредитацию руководства нелегальной коммунистической партии.

ВОПРОС: Вы не точно отражает фактическую сторону дела. Предлагаем осветить, каким образом сформировалась в Латвии троцкистская организация?

ОТВЕТ: Как я уже показывал, я был фактически обработан и вовлечен в троцкистскую организацию ЛАЙЦЕНС и ЯНКУС. Мне известно с их слов, что именно они создали и возглавили эту организацию. В нее, помимо меня, входили: КИПЕРС Юлий — находится в Москве, СВЕРЕ (литературный псевдоним) — проживает в СССР, настоящая фамилия его БЕРЛИН. Других не знаю. Моя область троцкистской работы ограничивалась литературой, и кто именно проводил троцкистскую работу в других направлениях — мне неизвестно.

ВОПРОС: Как Вы познакомились с ЛАЙЦЕНС?

ОТВЕТ: В 1926 г. я приехал в гор. Ригу для поступления в университет. Здесь я встретился со своим школьным товарищем ЯНКУС Оскаром, также происходящим из гор. Либавы. Оба мы в этом же году установили связь с левым студенческим союзом, выполняя

пропагандистскую работу. Осенью 1926 г. я выехал в усадьбу Зиварты (под Митавой), куда был приглашен на работу в качестве учителя. Проживая в деревне, я через КИПЕРСА Юлия, которого знал по литературной работе, связался с ЛАЙЦЕНС, заинтересованным в моем сотрудничестве в издаваемом им литературном журнале "Левый фронт". После первой моей статьи, помещенной в этом журнале, летом 1928 года я выехал на постоянную работу в гор.Ригу. В этот период у меня состоялась первая встреча с ЛАЙЦЕНС. В дальнейшем мои отношения с ним стали более близкими, поскольку я активно сотрудничал в редактируемых им и ЯНКУС изданиях.

ВОПРОС: Какие перед собой ставила задачи троцкистская организация, участником которой Вы являлись?

ОТВЕТ: В то время основная цель наша сводилась к тому, чтобы дискредитировать руководство нелегальной компартии с последующим захватом в свои руки ее центрального аппарата в Риге и ее секции в Москве.

ВОПРОС: Какую работу Вы проводили по заданию троцкистской организации?

ОТВЕТ: По специальному поручению ЛАЙЦЕНС и ЯНКУС я вел активную троцкистскую пропаганду. На этом ограничивается моя троцкистская деятельность за период моего пребывания в гор.Риге. В 1930 г. я выехал в Бердин, поскольку ко мне латвийскими властями был применен "закон Керенского".

ВОПРОС: Это не все. Этим не исчерпывается Ваша к-р деятельность в Латвии.

ОТВЕТ: Я полностью сообщил следствию о своей к-р деятельности за рижский период.

ВОПРОС: Вы арестовывались латвийской охранкой?

ОТВЕТ: Да, арестовывался.

ВОПРОС: Когда и по каким причинам Вы подверглись арестам?

ОТВЕТ: Впервые я был арестован охранкой осенью 1928 года, но на следующий же день после моего допроса ее работником ФРИДРИХСОН был освобожден. В конце ноября того же года я подвергся вторичному аресту по 102 статье, впоследствии замененной "законом Керенского" (этот закон предусматривает бессрочное тюремное заключение или же высылку за границу; при отказе же от политической деятельности - разрешается проживание в Латвии). Во время моих допросов ШТИГЛИЦ, сотрудником охраны, я дал лишь показания о легальной революционной деятельности депутатов сейма ЛАЙЦЕНС и ЯНКУС. На этот раз в латвийской тюрьме я просидел 9 $\frac{1}{2}$ месяцев и также был освобожден без всяких последствий. В январе 1930 г. я был арестован в третий раз по тому же "закону Керенского", но так как дал обязательство выехать за границу, был освобожден. В 1930 году я выехал в гор. Берлин.

ВОПРОС: Сколько Вы просидели в тюрьме во время Вашего третьего ареста?

ОТВЕТ: Полтора месяца.

ВОПРОС: Какие Вы дали показания об известной Вам нелегальной деятельности партийной ячейки, в которой Вы состояли?

ОТВЕТ: Во время моего третьего ареста я на следствии отрицал свое участие в нелегальной коммунистической деятельности и никаких предательских показаний по этому вопросу не давал.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Следствие располагает точными данными о том, что Вы на допросе сознательно дали предательские показания. Требуем от Вас правдивого ответа по этому вопросу.

ОТВЕТ: Я это отрицаю.

ВОПРОС: Вы продолжаете упорно отрицать свое поведение в охранке. Мы располагаем достоверными данными, что Вы были ею завербованы.

ОТВЕТ: Признаю, что я действительно был завербован латвийской охранкой и выполнял для нее различные поручения, связанные с освещением коммунистического подполья. Я скрывал от следствия это обстоятельство, поскольку боялся за эту предательскую деятельность нести ответственность.

ВОПРОС: При каких обстоятельствах Вы были завербованы латвийской охранкой?

ОТВЕТ: Во время моего третьего ареста я попросил приема у ОЗОЛИНА, начальника охранки, для дачи об'яснений по моему делу. Во время беседы я дал ОЗОЛИНУ предательские показания об известных мне фактах из деятельности нелегальной коммунистической организации. На основе этих откровенных показаний, а также под угрозой моего разоблачения перед компартией, я дал ОЗОЛИНУ свое согласие на секретное сотрудничество с охранкой. Помимо того, мое освобождение и выдача разрешения на выезд в Германию являлись результатом моей договоренности с ОЗОЛИНЫМ.

ВОПРОС: Какие материалы Вы передали в охранку?

ОТВЕТ: ОЗОЛИНУ в устной форме я сообщил следующее:

1) о своем приеме в нелегальную коммунистическую ячейку; 2) о составе ячейки, в которую входили: КИПЕРС, СУДМАЛС, ВИЛКС, ДЕГЛАВС и я; 3) о своей связи с депутатами сейма, как членами нелегальной коммунистической организации.

ВОПРОС: Какие поручения Вам были даны начальником охранки ОЗОЛИНЫМ?

ОТВЕТ: Мое освобождение из охраны состоялось за две недели до моего от'езда в Германию. Должен пояснить, что на допросах ОЗОЛИНУ я заявил о своем намерении выехать за границу, что было также использовано им для моей обработки и вербовки. По состоявшейся договоренности, ОЗОЛИН, очевидно, имея какие-то расчеты, обещал не препятствовать моей поездке за границу. Однако, после моего освобождения никаких конкретных заданий я не получал.

ВОПРОС: Это неверно. Освещая свою вербовку ОЗОЛИНЫМ, Вы вместе с тем скрываете факт получения Вами заданий, ибо иначе Ваша вербовка являлась бы для охраны совершенно бесцельной.

ОТВЕТ: Перед своим освобождением я сообщил ОЗОЛИНУ о том, что при перегруппировке рабоче-крестьянской фракции я попаду в сейм. Вопрос этот обстоял таким образом, что я, покинув пределы Латвии по "закону Керенского", после моего избрания в сейм, буду иметь формальную возможность вернуться в Латвию. Вся эта комбинация соответствовала планам охраны и, наряду с этим, зашифровывала мои отношения с ней. С ОЗОЛИНЫМ было договорено, что после возвращения в Латвию я буду заниматься освещением нелегальной деятельности рабоче-крестьянской фракции латвийского сейма.

ВОПРОС: Нам известно, что помимо ОЗОЛИНА в Риге Вы также поддерживали связь с начальником агентурного отдела латвийской охраны ФРИДРИХСОН. Подтверждаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Да. Непосредственно перед от'ездом в Берлин в марте 1930 года я имел встречу с ФРИДРИХСОН в помещении охраны. Последнего я проинформировал о состоящемся крестьянском с'езде в Берлине и моей нелегальной командировке на этот с'езд.

ВОПРОС: Какие, в связи с этим, поручения Вам дал ФРИДРИХСОН?

ОТВЕТ: ФРИДРИХСОН не был заинтересован фактом созыва крестьянского с'езда. Он о нем был уже осведомлен. Его крайне интересовал вопрос о том, кто именно, помимо меня, из Латвии командировается на этот с'езд. Поэтому ФРИДРИХСОН дал мне следующие поручения: 1) выяснить фамилии латвийских делегатов, нелегально выехавших на крестьянский с'езд, а равно и то, по каким именно документам они проследовали за границу; 2) проследить за работой с'езда, собрав, главным образом, материалы по вопросу, касающемуся Латвии и 3) проследить за деятельностью латвийских делегатов в Германии.

ВОПРОС: Как Вы обусловили с ФРИДРИХСОН вопрос дальнейшей связи с ним?

ОТВЕТ: Об этом у нас разговора не было. Однако, в Берлине у меня продолжались встречи с представителем латвийской охранки, о чем позднее я дам более подробные показания.

ВОПРОС: Когда Вы выехали в Берлин?

ОТВЕТ: В марте 1930 года.

ВОПРОС: Каким образом Вы были делегированы на крестьянский с'езд?

ОТВЕТ: Моей поездку на с'езд оформлял лично ЛАЙЦЕНС и в этом направлении он предпринимал самостоятельные шаги. ЛАЙЦЕНС удалось добиться моей командировки на с'езд, так как он мне передал определенные указания на сей счет. По приезде в Берлин, комитет по организации с'езда признал меня делегатом, и это свидетельствовало о том, что организаторы с'езда заранее были осведомлены о моем приезде.

ВОПРОС: Какие указания Вы получили от ЛАЙЦЕНС по вопросам, связанным с Вашей поездкой на с'езд?

ОТВЕТ: Мне было поручено на с'езде в Берлине держаться известных мне троцкистских установок в крестьянском вопросе. Данную мне ЛАЙЦЕНС линию поведения я проводил в жизнь.

ВОПРОС: Следовательно, Ваша троцкистская работа состояла в прямой связи с Вашим сотрудничеством с латвийской охранкой?

ОТВЕТ: Мне известно, что охранка была заинтересована в дезорганизации и развале коммунистического движения в Латвии. В этом случае она использовала и пользовалась нас, троцкистов, как лиц, ведущих ту же работу в своих контрреволюционных целях.

ВОПРОС: Через кого Вы поддерживали связь с латвийской охранкой в Берлине?

ОТВЕТ: Спустя месяц после с'езда ко мне на квартиру (Берлин-Нецкельн, Лауберштрассе, № не помню) явился неизвестный латыш и, убедившись в моей личности, спросил, не забыл ли я своего обещания, данного латвийской охранке. Из его заявления мне стало ясно, что неизвестный являлся представителем охранки и по заданию последней устанавливает со мной связь. Таким образом, с этого дня у меня возобновились деловые отношения с охранкой.

ВОПРОС: Как фамилия этого представителя охранки?

ОТВЕТ: Фамилия его мне неизвестна, как и неизвестен был его адрес.

ВОПРОС: Этот агент прибыл из Латвии?

ОТВЕТ: Мне это неизвестно. В процессе дальнейших встреч с ним у меня сложилось впечатление о том, что он постоянно проживает в гор. Берлине.

ВОПРОС: Сколько раз Вы встречались в Берлине с упомянутым агентом охранки?

ОТВЕТ: С представителем латвийской охранки в Берлине я встречался четыре раза.

ВОПРОС: Какими вопросами он интересовался?

ОТВЕТ: Агент охранки интересовался следующими моментами:
1) работа крестьянского с'езда; 2) фамилии делегатов, прибывших из Латвии; 3) деятельность этих делегатов как на с'езде, так и вне его; 4) каким образом прибыл из Латвии в Берлин ГУРЕВИЧ и как он устроился на работу в Торпредство СССР; 5) дела самого Торгпредства; 6) латвийская эмигрантская ячейка в Берлине.

ВОПРОС: Какая информация Вами была передана представителю латвийской охранки?

ОТВЕТ: Мною была представлена информация по перечисленным выше вопросам. В частности, я сообщил охранке фамилии латвийских делегатов, прибывших на крестьянский с'езд. Фамилии их сейчас не помню, но это были мужчина и женщина из Курляндской губернии. Мною также была дана исчерпывающая информация о крестьянском с'езде, деятельности Торгпредства и, в особенности, о группе латышей, там работавших (Марта, БЕРЗАП, ВЕРМАН и др.).

ВОПРОС: Когда у Вас состоялась последняя встреча с указанным агентом охранки?

ОТВЕТ: В сентябре или октябре 1931 г. После этого я его больше не видел.

ВОПРОС: Каким образом в дальнейшем Вы поддерживали связь с латвийской охранкой?

ОТВЕТ: Официального представителя охранки больше встречать в Берлине мне не приходилось. Однако должен заявить, что с марта 1932 г. деловые отношения с ней у меня возобновились че-

рез ЯНКУС Оскара. Из беседы с ЯНКУС, остановившимся на моей квартире в Берлине, он мне дал понять, что он, так же как и я, сотрудничает с охранкой и, что я поступаю в его распоряжение.

ВОПРОС: На основе чего Вы пришли к такому выводу?

ОТВЕТ: В одной из первых бесед я выразил ЯНКУС свое удивление по поводу того, каким образом ему удалось выехать из Латвии в то время, когда он находился там под судом. Смысл ответа ЯНКУС был таков: "Это пустяки, всегда можно устроиться и договориться". Тут же он добавил, что в этом я могу убедиться по собственному опыту. Это был явный намек на мою вербовку охранкой.

ВОПРОС: Из чего Вы заключили, что Вы поступаете в его распоряжение?

ОТВЕТ: На мои жалобы о том, что этот путь действий возможен, но не особенно приятен (для него и для меня было совершенно ясно, что речь идет о моих отношениях с охранкой), ЯНКУС заявил: "Все будет в порядке и мне следует поступать в дальнейшем по его указаниям". Из всех выше отмеченных фактов бесспорно следовало, что ЯНКУС связывается со мной по заданию охранки и что с этого времени я поступаю в его распоряжение. Об этом я более конкретно убедился в последующих моих разговорах с ЯНКУС.

Изложенное мною прочитано, с моих слов записано правильно.

Ф.К. РОЗЕНБАХ.

ДОПРОСИЛИ: ЗАМ. НАЧ. 7 ОТДЕЛЕНИЯ 3 ОТДЕЛА ГУТБ
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ - РАДИН.
ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 7 ОТДЕЛЕНИЯ - ВЕРХОВИН.

В Е Р Н О: СЕКРЕТАРЬ 3 ОТДЕЛА ГУТБ НКВД
СТ. ЛЕЙТ. ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ (ФЕЛЬДМАН)